

УДК 94
ББК Т363.3

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ТЕРРОРИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ ИНДИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

К.А. Лихачев

Развитие современного терроризма в Индии стало следствием переплетения различных политических, этноконфессиональных, идеологических, экономических и социокультурных факторов. В статье рассматриваются основные виды современного терроризма, получившие развитие в Республике Индии во второй половине XX века.

Ключевые слова: терроризм, история Индии, этническая идентичность, сепаратизм, религиозный экстремизм и национализм.

К концу первого десятилетия XXI в. проблема влияния терроризма на общемировое развитие остается одной из наиболее актуальных и болезненных. Феномен терроризма как глобальной проблемы современности требует все большего внимания и глубокого изучения. Среди наиболее конфликтных регионов, подверженных развитию терроризма, особое место занимает регион Южной Азии. Республика Индия – региональный лидер – в большой степени страдает от данного негативного явления. Однако и в прошлом эта держава была свидетелем распространения различных видов терроризма на своей территории. Многочисленные экстремистские движения разной степени консолидации и политической направленности возникли в Индии регулярно (и имели разную силу) на протяжении всей второй половины XX века. Именно поэтому развитие терро-

ризма в Республике Индии в данный период вызывает пристальный интерес.

Грандиозные общемировые социально-политические изменения XX в. радикально повлияли на парадигму развития обществ, населяющих Южно-Азиатский регион. Послевоенный процесс деколонизации послужил причиной раскола Британской Индии. Для Индии, как и для всей Южной Азии, чрезвычайно религиозное, этническое и языковое многообразие стало благодатной почвой для развития этнического национализма и религиозного экстремизма.

В данном вопросе важно учитывать, что существующая этнополитическая ситуация в Индии характеризуется отсутствием доминирующего политического ядра, что в определенной степени уравнивает основные этнополитические силы. Примечательно, что вместо самоидентификации народов Индии в качестве единой индийской нации происходит идентификация с различными локальными, региональными, конфессиональными или кастовыми группами. В большой степени опре-

деляющим фактором идентификации является языковая принадлежность. Именно язык играет как объединяющую роль для малых этносов и групп, так и обособляющую роль у больших этносов. Реорганизация штатов после изменения Конституции в 1956 г. для большинства крупных этносов, имеющих национальный язык (по различным оценкам, от 15 до 17, учитывая, что общая численность языков и диалектов в Индии больше 4 000), строилась как раз по лингвистическому (а фактически этническому) признаку. Население «поояса хинди»¹ – более 400 млн человек [12, с. 527] – фактически не является этнической общностью и не имеет развитого этнического самосознания. А. Празаускас, отмечая существование локальных форм национализма таких крупных народов Индии, как бенгалы, тамилы, маратхи и др., подчеркивает, что для индийцев в общей массе главным фактором идентификации является принадлежность к определенной конфессии (для индусов – также к касте) [10, с. 218, 220–221].

Фактические причины возникновения этноконфессиональных конфликтов в Индии весьма различны: от столкновений политических амбиций региональных и центральных властей до споров по поводу перераспределения ресурсов. Например, водный вопрос в Джамму и Кашмир [19, р. 5], несправедливое перераспределение общинных земель в пользу некоренного населения или недовольство существующей политикой миграционных процессов (проблема с миграцией бангладешцев в Ассам). Однако общей тенденцией явилась трансформация межэтнических конфликтов в национально-государственные (политические) конфликты [10, с. 220–222].

Дело в том, что зачастую различные родственные этносы или религиозные группы в Индии и других государствах Южной Азии составляют большинство или весьма значимую часть населения (например, мусульманская община в Индии, Пакистане и Бангладеш, тамильская община в Индии и Шри-Ланке). Это во многом определяет продолжительность некоторых межгосударственных конфликтов в регионе, основанных на конфессиональных и межэтнических противоречиях.

Религиозный фактор как одно из важнейших средств групповой этнической идентифи-

кации в Индии спровоцировал наиболее серьезный межгосударственный конфликт Индии и Пакистана в споре о принадлежности территории Кашмирского княжества в 1947 году. Противоречивая идея «исламской нации», ставшая теоретическим обоснованием создания Пакистана, по сути, свела понятие нации к религиозной общности, отрицая существование национальных различий [9, с. 12].

В результате кашмирский религиозно-политический конфликт приобрел национальный масштаб как для Индии, так и для Пакистана. Более чем шестидесятилетний спор за территориальное определение штата Джамму и Кашмир напрямую отразился на стабильности региона, ставшего ареной противостояния двух держав в ходе четырех военных конфликтов в 1948, 1965, 1971 и 1999 годах. С общим ростом религиозного экстремизма в конце 1970-х (курс на исламизацию после государственного переворота в Пакистане в 1977 г. и революции в Иране в 1979 г.) произошло смещение акцентов на развитие ситуации в Афганистане в начале 1980-х [15, р. 155–167]. В результате борьба афганских и пакистанских муджахидов против советских войск (при внешней поддержке западных держав в условиях «холодной войны») осложнила ситуацию и привела к формированию базы для развития исламского экстремизма в самой Индии.

Следует отметить, что в силу конфессионального характера данного конфликта Пакистан всегда поддерживал сепаратистские движения в данном штате. Но в конце 1980-х гг. произошла быстрая активизация сепаратистских выступлений, причинами чего стало ухудшение сложной экономической ситуации и давнее стремление центральных властей окончательно интегрировать штат в индийскую федерацию, несмотря на статью 370 Конституции Индии, закрепляющую за Джамму и Кашмир особый статус [13]. После разгоревшихся беспорядков, связанных с фальсификацией выборов в Законодательное собрание штата в 1988 г., Пакистан начал оказывать не только материальную, но и военную (подготовка боевиков на своей территории) помощь сепаратистам Джамму и Кашмир [18, р. 2]. А крупнейшей сепаратистской группировкой штата был Фронт освобождения Джамму и Кашмира (ФОДК) [20].

Тем не менее, несмотря на очевидную антииндийскую направленность, ФОДК придерживался секуляристских позиций с целью воссоединения всех частей Кашмира и образования отдельного государства, что не соответствовало интересам пакистанской стороны. В результате в ходе наиболее активной фазы террористической активности сепаратистов с 1989 по 1993 г. выявилась следующая тенденция: в Кашмир из Афганистана стали возвращаться местные жители – участники «джихада» против советских войск, после того как последние части были выведены в 1989 году. С собой боевики принесли идеологию радикального исламизма, что придало кашмирскому сепаратизму характер исламского экстремистского движения и возвело конфликт в ранг «джихада». Итогом стало разделение кашмирских террористических организаций на две группы, в зависимости от их состава. В первой – группировки, состоящие из кашмирцев (сначала ФОДК до перехода в группу умеренных партий в 1993 г., а затем – «Хизб уль-муджахидин», «Армия освобождения Кашмира» и др.). Во второй – группы, основу которых составляют пакистанцы, афганцы, арабы и др. [5, с. 10–11]. Например, «Харкат уль-ансар», «Лашкар-и-таиба» – всего около 15 организаций, составляющих Объединенный совет джихада (ОСД)².

Несмотря на подавление активности кашмирских экстремистов к середине 1990-х и наличие постоянно дислоцированного контингента в несколько сотен тысяч бойцов регулярных сил индийской армии, спад террористической активности не привел к перелому в борьбе с сепаратистскими группировками. Во многом эта дестабилизация была следствием нерешенности вопроса о межгосударственной границе (фактически, граница между Индией и Пакистаном проходит по Линии контроля, обозначенной Симлским мирным соглашением 1972 г. [33]) и активности пакистанских спецслужб. Особенно Межведомственной разведки (МР) Пакистана (ISI – Inter Service Intelligence) [16], которая традиционно была инструментом радикально настроенной части пакистанского генштаба в борьбе за Кашмир.

Поддержка МР террористических организаций Индии привела к первому крупному теракту вне Дžамму и Кашмир – серия из

13 взрывов в марте 1993 г. в Мумбаи унесла жизни 257 человек (713 ранены) [30]. При этом исполнителями терактов были не кашмирские боевики, а члены преступного сообщества Мумбаи во главе с Давудом Ибрахимом, которые стали посредниками МР в передаче двух тонн гексогена для экстремистов в Индии [17]. Вовлеченность крупнейшей банды Мумбаи была обусловлена тем, что именно мусульмане составили костяк преступного сообщества этого крупнейшего индийского центра бизнеса и коммерции. При этом руководителями Мумбаи к этому моменту традиционно становились представители индусской радикальной партии «Шив сена» («Войско Шивы») [32]. В результате конфессиональный конфликт между индусами и мусульманами в Мумбаи «приобрел форму борьбы официально избранной власти с преступным миром» [8, с. 207]. Скорее всего, МР также организовала и спонсировала серию из 19 взрывов в штате Тамил-Наду в феврале 1998 г. (50 погибших), показавших появление отсутствовавшей прежде террористической активности на юге Индии [36].

В соседнем с Дžамму и Кашмир штате Пенджаб в 1980-е гг. достигло наивысшего расцвета противостояние сикхских сепаратистов и центрального правительства Индии. Следует отметить, что официальная религия сикхов – сикхизм – обозначала вектор в сторону развития сепаратизма гораздо раньше, чем 1980-е гг., так как сикхи уже имели свое государство еще с 20-х гг. XIX в. до 1859 г. [3, с. 72–82]. Пенджаб в этом смысле является практически классическим примером «близорукой» правительственной политики, которая превратила один из самых процветающих в 1960–1970-х гг. штатов Индии в наиболее политически нестабильный штат к началу 1980-х [34, p. 156].

Для стабилизации положения центрального правительства правящей партии «Индийский национальный конгресс» (ИНК) решило создать политический противовес оппозиционной партии «Акали дал», преследующей сепаратистские цели. Таким противовесом стала партия «Дал хальса» во главе с Д.С. Бхиндранвале. Задачей «Дал хальса» была дискредитация деятельности партии «Акали дал» и ее руководства. Однако Бхиндранвале, бы-

стро став популярным религиозным деятелем, начал использовать противоречивые методы политической борьбы (в том числе экстремистские). В итоге на фоне усиления сикхского фундаментализма сама партия «Дал хальса» стала экстремистской, а Бхиндранвале был выдвинут на роль лидера сепаратистов [4, с. 86]. Естественно, что такой поворот событий никак не входил в планы центрального правительства. В результате быстрой эскалации конфликта правительственные войска в начале июня 1984 г. были вынуждены провести неподготовленный штурм главной сикхской святыни – Золотого храма, где укрывались экстремисты. По неофициальным данным, кроме террористов, погибло от 1 500 до 8 000 паломников [24]. Эти события не могли не повлиять на дальнейший ход конфликта. Осенью 1984 г. сикхи-телохранители убили премьер-министра Индиру Ганди. Это вызвало сикхские погромы и массовое переселение сикхов в Пенджаб. Однако именно этнорелигиозная волна солидарности индусов, вызванная смертью Индиры Ганди, помогла ее сыну Радживу Ганди, возглавившему ИНК (Индира), выиграть парламентские выборы 1984 г. и возглавить новое правительство [4, с. 91]. Сам Раджив был впоследствии убит во время предвыборного тура в 1991 г. террористкой-смертницей. Этот теракт стал результатом реакции тамильской террористической группы «Тигры освобождения Тамил-Илама» [22] на военное вмешательство индийской стороны в уже другой масштабный конфликт в регионе – между тамильскими сепаратистами и властями Шри-Ланки.

На фоне ухудшения ситуации в Джамму и Кашмир и для стабилизации положения в Пенджабе индийскими властями также проводилась жесткая антитеррористическая линия – в 1987 г. был принят Закон о борьбе с терроризмом и подрывной деятельностью (ЗТПД)³ [38]. Одновременно в результате секретных переговоров с лидером «Акали дал» Лонговалом был подписан меморандум об урегулировании положения в Пенджабе [27], результатом чего стал отход умеренных сикхских лидеров от сепаратизма и экстремизма. Однако внушительные диаспоры сикхов по всему миру создали несколько экстремистских организаций, борющихся за создание

независимого Халистана (например, «Международная Баббар Хальса» [14] и др.)

Последующие масштабные антитеррористические операции в период действия ЗТПД привели к постепенному снижению уровня террористической активности к середине 1990-х гг., которая теперь стала sporadicной, все больше ослабевая. Таким образом, можно говорить, что, в целом, благодаря жесткой линии центрального правительства и наличию четких государственных границ штата, расцвет экстремизма и сепаратизма в Пенджабе уже прошел.

Другой наиболее конфликтной зоной в Индии традиционно являются северо-восточные штаты Индии (СВИ), территория которых имеет стратегическое значение, так как здесь пролегает граница с Китаем, Бутаном, Бангладеш и Мьянмой. Причем, в отличие от движений на севере Индии, в северо-восточных штатах сепаратизм основывался преимущественно не на конфессиональных, а межэтнических противоречиях.

Вообще, народы этих штатов относились к «периферии» индуистской цивилизации, так как имели другие расовые корни, говорили на языках тибето-бирманской группы, исповедовали собственную веру и были практически отделены от Индии территорией Бангладеш [6, с. 112]. Экономическая отсталость региона только способствовала столкновению интересов разных групп населения, которые для достижения своих целей стали использовать вооруженную борьбу и террористические методы во второй половине XX века. В результате данный регион стал свидетелем наиболее продолжительных и масштабных сепаратистских движений в этот период.

Сепаратисты народа нага еще с начала 1960-х гг. поставили целью создание Нагалима («Великого Нагаленда») [7] путем соединения определенных территорий штатов Аруначал-Прадеш, Ассам, Манипур и части территорий Мьянмы [2, с. 22]. Деятельность сепаратистов нага спровоцировала племена мизо, куки, бодо, бру и других этносов, населяющих территорию ряда сопредельных штатов СВИ (как, например, Ассам, Мизорам, Трипура), активно борются за образование собственных отдельных этнических штатов. В результате в разное время в период 1960–

1990 гг. в различных штатах СВИ возникали разной силы и активности повстанческие движения – например, Национальный демократический фронт освобождения Бодоленда (НДФБ), Объединенный фронт освобождения Ассама (ОФОА), и др.

Ключевым в регионе традиционно считается штат Ассам, где деятельность группировки ОФОА [39] с начала 1980-х гг. под лозунгами освобождения Ассама от незаконных мигрантов из Бангладеш стала примером наиболее мощного развития терроризма в СВИ. Одним из главных факторов такого развития ОФОА явилась возможность получать большие средства от наркотрафика и захвата заложников, вымогательств с крупный чайных компаний. Именно это определяет силу и влияние сепаратистского движения ОФОА, которое постепенно стало превращаться в доходный бизнес [1, с. 91].

Важную роль в развитии ОФОА в начале 1990-х гг. сыграли МР Пакистана и Главное управление военной разведки (ГУВР) Бангладеш. Это сотрудничество началось с поездки членов ОФОА в ноябре 1990 г. в Дакку для установления контактов с пакистанской разведкой. В течение первой половины 1990-х гг. около ста активистов проходили обучение взрывному делу у МР в пакистанском Кашмире. Полиция Ассама на основе допросов и оперативной информации смогла предоставить убедительные доказательства того, что лидеры ОФОА давно живут в роскоши в Бангладеш за счет доходов от наркотрафика и вымогательств с крупного бизнеса в Ассаме (прежде всего чайные компании). Так, например, лидер ОФОА, Пареш Баруа, с 1990 г. проживал в охраняемом ГУВР здании в пригороде Дакки.

По мнению индийских политиков и военных, Ассам со своей чрезвычайно сложной этнической палитрой и геостратегическим значением представляет Исламабаду очень хорошую возможность для того, чтобы ослабить Индию методом «тысячи порезов». И главная цель такой тактики Исламабада – посредством атак и терактов оттянуть часть индийских войск из Кашмира в Ассам [29, р. 86–99].

Помимо внешней поддержки, различные террористические организации, действовавшие на территории СВИ, создавали базы и

тренировочные лагеря не только в Индии, но и в других государствах Южной Азии. Нередко террористические группы действовали сообща: например, межплеменной союз Народной освободительной армии (НОА) в конце 1980-х создал семь лагерей по подготовке боевиков на территориях соседних Бангладеш и Мьянмы, а в 1999 г. вошел с тремя другими группировками штата Манипур в союз, создав Народный фронт освобождения Манипура [2, с. 22].

Силовая борьба на протяжении последних десятилетий показала неспособность властей ликвидировать наиболее серьезные сепаратистские движения в Ассаме, Нагаленде и других штатах СВИ. Для решения проблемы волны сепаратизма индийское правительство использовало не только силовые методы, но и весьма действенную территориальную организацию штатов (по этнолингвистическому признаку). Однако образование отдельного штата (Нагаленд в 1963 г.) хоть и снижало активность сепаратистов, но определило процесс развития новых движений в различных штатах и необходимость создания новых штатов в 1970–1980 гг. (например, вывод Мизорама и Аруначал-Прадеш из Ассама в 1970-е)⁴. При этом в уже новообразованных штатах стали появляться движения еще более мелких племен, требующие отделения [2, с. 25].

Другим действенным методом стало заключение официальных перемирий с силами сепаратистов – например, Шиллонгское соглашение с лидерами сепаратистов нага (НССН) [31] в 1975 г. или Мизорамское соглашение с сепаратистами мизо в 1986 г. [23]. Суть обоих документов сводилась к тому, что в обмен на уступки в виде выполнения части требований сепаратистов (признание движений законными, формирование местных органов управления и пр.) последние должны были сложить оружие и сохранять мир. Это способствовало стабилизации социально-политических настроений и переходу части повстанцев в лагерь умеренной оппозиции. Тем не менее спустя определенное время наиболее радикально настроенные сепаратисты вновь взяли за оружие⁵ [26, р. X–XI].

Еще одним весьма значимым направлением развития экстремизма в Индии стало

движение наксалитов, сформировавшееся в 1967 г. в штате Западная Бенгалия. Название движение получило от имени деревни на границе Индии, Непала и Бангладеш – Наксалбари, в которой произошло крестьянское восстание в 1967 г., давшее стимул к развитию террористической активности левого толка. Большое распространение коммунистических идей в Западной Бенгалии определило широкую поддержку наксалитов во всех слоях общества.

Примечательно, что наксалитов зачастую называют индийскими маоистами. Дело в том, что после индийско-китайского конфликта 1962 г. Коммунистическая партия Индии (КПИ) (марксистская) раскололась: умеренная часть осудила КНР, а радикальная создала Коммунистическую партию Индии (марксистско-ленинскую), которая обосновала оправданность китайской борьбы против индийского буржуазно-капиталистического строя [11]. Таким образом, официальная идеология китайского маоизма сильно повлияла на развитие леворадикального движения в Индии. Ведь именно КПИ (марксистско-ленинская) во главе с Чару Мазумдаром возглавила движение наксалитов в конце 1960-х годов.

Влияние наксалитов быстро распространилось в штатах Андхра-Прадеш, Ассам, Махараштра (частично), Орисса и Бихар в кругах городской интеллигенции, так и среди крестьянства. Маоисты Индии считали, что только прямое вооруженное восстание крестьянства может привести к становлению социализма, так как в городах власти способны ликвидировать пролетарские боевые группировки. Поэтому основная борьба развернулась в сельской местности, но при активном участии студенчества и интеллигенции из больших городов. Росту популярности наксалитов также способствовало то, что их идеология не фокусировалась на этнической или конфессиональной принадлежности, а использовала классовый подход, позволяющий вступать в ряды организации представителям различных этносов и каст. Однако в начале 1970-х гг. правительству Индии удалось подавить активную фазу восстания силовыми методами, заручившись поддержкой умеренных коммунистов из КПИ (марксистской), которые возглавили прави-

тельство Западной Бенгалии. После этого КПИ (марксистско-ленинская) раскололась на большое количество самостоятельных группировок [35, р. 46–125]. В результате активность наксалитов заметно снизилась.

Знаменитый индийский исследователь движения наксалитов Пракаш Сингх выделяет три основных пика активности движения в XX в.: 1) с 1967 г. по 1972 г. (после смерти лидера наксалитов Чару Мазумдара); 2) с 1980 г. по середину 1990-х – наибольшая активность наксалитов в штате Андхра-Прадеш; 3) с декабря 2000 г. по настоящее время. Вторая волна движения наксалитов началась в 1980-х в штате Андхра-Прадеш. Именно в этом штате еще в 1960–1970-е гг. активность индийских маоистов была самой заметной. И в начале 1980-х гг. в Андхра-Прадеш возникла новая мощная террористическая группировка – «Группа “Народная война”» (ГНВ) [25], ставшая главным боевым крылом КПИ (марксистско-ленинской). Активность ГНВ и многих других группировок распространялась в большинстве восточных и южных штатов Индии и постепенно нарастала на всем протяжении 1980-х годов. Однако на пике активности в 1991–1992 гг. между партиями наксалитов на одном из общеиндийских съездов произошел новый раскол, обозначивший угрозу дальнейшему развитию движения. Центральное правительство перехватило инициативу. За счет запрета шести основных наксалитских партий и проведения серии крупных полицейских спецопераций правительственными силами удалось значительно ослабить движение индийских маоистов [35, р. 130–142]. Раскол же в самих рядах наксалитов не позволил объединить усилия и сохранить прежние позиции.

Однако, несмотря на заметный спад активности, именно в данный период наксалиты смогли установить связи со всеми основными экстремистскими движениями в регионе (как этническими в северо-восточной Индии, так и маоистскими в соседнем Непале). Уже в середине 1990-х гг. идеология наксалитов обеспечила ГНВ и другие группировки поддержкой маоистов Непала, которые с 1996 г. начали вооруженную борьбу с центральным правительством своей страны. Таким образом, к началу 2000-х гг. влияние наксалитов в

восточных и южных штатах Индии вновь составила очевидную угрозу стабильности центральных властей в регионе.

Рассматривая вопросы терроризма в Индии, нельзя не упомянуть об еще одной составляющей экстремизма в любой многонациональной стране – национализме. История индийского правого движения уходит в XIX век. Индийский национализм черпал основу в идеологии хинду – хиндутве (санскр. «индийскости»), которая воспитывала веру в превосходство индусов и арийцев, составляющих не только единую нацию, но и отдельную цивилизацию [21, р. 181]. Главным инструментом националистов была организация «Раштрия сваямсевак сангх» (РСС)⁶. В 1970-х гг. «Бхаратия джаната парти» (БДП)⁷, служившая политическим прикрытием для праворадикальных сил, оказалась на подъеме популярности на волне религиозного фундаментализма, захлестнувшей Индию вместе с такими странами, как Пакистан и Иран. Однако в 1980-е гг. националистический подъем прошел, но продолжающийся политический конфликт с Пакистаном обусловил сохранение идеологического резонанса внутри Индии. В 1992 г. возник новый виток противостояния вокруг мечети XVI в. в Айодхье, после разрушения которой индийские националисты из «Вишва хинду паришад» (ВХП) («Всемирного совета хинду») [40] начали строить на ее месте храм Рамы. В столкновениях по этому поводу в стране были убиты тысячи жителей. Продолжением стали серии терактов, организованных в течение 1990-х гг. как различными исламскими радикальными экстремистами, так и индийскими националистами из новой организации «Шив сена» («Войско Шивы») [32; 21, р. 181].

Примечательно, что в 2009 г. специальная правительственная комиссия М.С. Либерхана опубликовала 1 000-страничный доклад по событиям 1992 г., в котором подчеркивается виновность в организации и проведении массовых беспорядков 68 руководителей партии БДП (включая А.Б. Ваджапай, ставшего впоследствии премьер-министром Индии, и его ближайшего соратника Л.К. Адвани) [28]. Но в сравнении с масштабами активности террористических групп в Джамму и Кашмир, штатах СВИ и «красных» штатах наксалитов террористическую деятель-

ность индийских националистов можно охарактеризовать как относительно слабую. А информации о деятельности правых террористических группировок явно недостаточно.

Таким образом, хотелось бы сделать следующие выводы. Прежде всего, в связи со сложностью этнического состава населения невозможно выделить этнос, представляющий основу для общеиндийской нации и способный быть выразителем интересов нации в целом. Этническая идентификация у народов «пояса хинди», представляющего группу различных этносов (исповедующих преимущественно индуизм), и большей части населения Индии зависит прежде всего от конфессиональной принадлежности. Поэтому один из главных видов терроризма в Индии основан на религиозном экстремизме. Крайне важную роль в развитии исламского радикального экстремизма в Индии играет политический конфликт между Пакистаном и Индией за принадлежность бывшего Кашмирского княжества.

Определяющая роль конфессиональной принадлежности обозначила также религиозную окраску индийского национализма, характерного для хиндиязычных штатов. Однако из-за сравнительно небольших масштабов активности и явного недостатка информации о деятельности праворадикальных индийских организаций данный вид терроризма в Индии крайне трудно анализировать.

При этом в чистом виде религиозный экстремизм в последней четверти XX в. в Индии не был распространен. Фактически, можно говорить о том, что религиозный экстремизм был составной частью явления сепаратизма. Сепаратистский экстремизм также имел и ярко выраженную этническую направленность в северо-восточных штатах. В результате можно выделить два основных направления религиозного и этнического экстремизма:

- *религиозный сепаратизм*: экстремизм кашмирских сепаратистов в штате Джамму и Кашмир (с конца 1980-х до середины 1990-х гг.) и сикхский экстремизм в Пенджабе (с первой половины 1980-х по середину 1990-х гг.);
- *этнический сепаратизм*: деятельность различных этнических группировок в

штатах СВИ (начиная с 1960-х гг. и по настоящее время).

Учитывая общность религии, важно отметить, что такие большие индийские этносы, исповедующие преимущественно индуизм, как, например, бенгалы, маратхи, тамилы, имеют собственную этнонационалистическую идеологию, которая не подвержена радикализму. Расцвет же локального национализма менее крупных индийских этносов зачастую вызван невозможностью для них эффективно защищаться от недружественной политики центральных властей, несмотря на проводимую политику секуляризма в общеиндийских масштабах. Активизации таких националистических движений и их переходу к экстремизму и террористическим методам борьбы, помимо конфессиональных противоречий, способствовал целый комплекс причин, которые можно условно поделить на две группы: *территориальные* (вопросы статуса территории проживания и общепризнанных границ штатов) и *социально-экономические* (нехватка природных ресурсов; несправедливое перераспределение общинных земель в пользу некоренного населения; борьба за рабочие места, отнятые мигрантами; и пр.).

Третьим видом терроризма стал идеологический терроризм левого толка. Левый экстремизм индийских маоистов – наксалитов был характерен для штатов Восточной и Южной Индии в 1970–1990-е годы. Главной причиной его развития стало распространение маоистских идей справедливого преобразования социально-политического устройства среди различных общественных кругов, симпатизирующих идеям социализма и коммунизма. Сильные позиции коммунистов в ряде штатов Восточной и Южной Индии и неприятие кастовой системы общества обусловили большую популярность наксалитов. Однако нехватка единства в итоге сказалась на силе движения.

Действия центральных властей Индии по сопротивлению экстремистам в разное время были как успешными, так и неудачными. Однако в целом силовое подавление экстремистов повсеместно позволило перевести экстремистскую активность в слабое или умеренное русло на определенный срок. Окончательно экстремизм был подавлен только в Пенджабе. Это во многом обусловлено тем,

что пенджабские сепаратисты не смогли получить внешнюю поддержку от Пакистана.

Важно отметить, что фактор внешней поддержки сыграл очень важную роль в развитии индийских террористических организаций. Условно можно выделить: 1) *внешний государственный терроризм*: например, поддержка МР Пакистана мусульманского сепаратизма в Джамму и Кашмир, а потом и создание собственных террористических группировок, действующих в Индии; 2) *использование внешних территорий*: многие террористические группировки в Северо-Восточной Индии размещали свои базы и тренировочные лагеря на территории Непала, Бутана и Бангладеш, что помогало избегать прямых столкновений с превосходящими силами противника.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Пояс хинди» – условное обозначение территории ряда штатов в Северной и Северо-Западной Индии, населенных этносами, говорящими на языке хинди или его диалектах, куда входят штаты Бихар, Чхаттисгарх, Мадхья-Прадеш, Раджастан, Уттар-Прадеш, Харьяна, Химачал-Прадеш и национальная столичная территория Дели.

² UJC – United Jihad Council. В отечественной литературе встречается также название Объединенный фронт джихада (ОФД).

³ The Terrorist and Disruptive Activities (Prevention) Act (TADA) был принят в 1987 г., намного ужесточив наказания за экстремизм, и расширил полномочия спецслужб, полиции и специальных судов.

⁴ Штаты Мегхалая и Мизорам были образованы в 1971 г., Аруначал-Прадеш и Трипура – в 1972 году.

⁵ Так, в 1988 г. произошел раскол сложившего оружие умеренного НССН («Национального социалистического совета Нагаленда»). Возникли две новые боевые фракции: НССН (И-М) и НССН (К), – добивающиеся создания Нагалима («Великого Нагаленда»). А после Ассамского соглашения (1985 г.), не учитывающего интересы народности бодо, населяющей равнину Ассама, в 1987 г. был сформирован Национальный демократический фронт Бодоленда (НДФБ) для борьбы за создание отдельного штата Бодоленд.

⁶ Организация «Раштрия сваямсевак сангх» («Союз добровольных служителей нации») была основана еще в 1920-х, но долгое время ее активная проиндусская деятельность была ограничена отдельными областями Северной Индии при поддер-

же местных политиков. Свою силу организация обрела уже в 1970-е годы.

⁷ «Бхаратия джаната парти» («Индийская народная партия») – одна из двух крупнейших политических партий в Индии (после ИНК), характеризующаяся правой направленностью и проиндустриальными националистическими позициями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов, С. А. Проблемы сепаратизма и терроризма в штате Ассам (Индия) [Текст] / С. А. Баранов // Восток. – 2002. – № 3. – С. 81–93.
2. Баранов, С. А. Мятежные «семь сестер» [Текст] / С. А. Баранов // Азия и Африка сегодня. – 2001. – № 10. – С. 21–25.
3. Баранов, С. А. Сепаратизм в Индии [Текст] / С. А. Баранов. – М. : ИВ РАН, 2003. – 238 с.
4. Бельский, А. Г. Сикхи и индусы: религия, политика, терроризм [Текст] / А. Г. Бельский, Д. Е. Фурман. – М. : Наука, 1992. – 128 с.
5. Белокреницкий, В. Я. Кашмирский очаг исламского экстремизма [Текст] / В. Я. Белокреницкий, В. Москаленко // Азия и Африка сегодня. – 2002. – № 1. – С. 9–14.
6. Ванина, Е. Ю. Индия: страна и ее регионы [Текст] / Е. В. Ванина. – М. : Эдиториал УРСС, 2004. – 360 с.
7. Карта Нагалима // Веб-сайт национального движения народа нага. – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://www.nagalim.nl/naga/index-2.html>.
8. Котин, И. Ю. Ислам в Южной Азии: мечом и молитвой [Текст] / И. Ю. Котин. – СПб. : Азбука-классика : Петербург. Востоковедение, 2005. – 253 с.
9. Мальшева, Д. Б. Религия и конфликты в развивающихся странах Азии и Африки [Текст] / Д. Б. Мальшева. – М. : Ин-т мировой экономики и международных отношений, 1989. – 93 с.
10. Межэтнические конфликты в странах зарубежного Востока [Текст]. – М. : Наука. Глав. ред. вост. лит., 1991. – 276 с.
11. Программа КПИ (м.-л.) // CPI (m-l) official website. – Электрон. дан. – Режим доступа: http://www.cpi.ml.org/8th_congress/partyprogramme.html.
12. Ульциферов, О. Г. Индия : Лингвострановедческий словарь [Текст] / О. Г. Ульциферов. – М. : Русский язык : Медиа, 2003. – 584 с.
13. Article 370 of the Indian Constitution. – Electronic text data. – Mode of access: http://www.jammu-kashmir.com/documents/jk_art370.html.
14. Babbar Khalsa International. – Electronic text data. – Mode of access: http://www.satp.org/satporgtp/countries/india/states/punjab/terrorist_outfits/BKI.htm.
15. Byman, D. Deadly Connections. States that Sponsor Terrorism [Text] / D. Byman. – N. Y. : Cambridge University Press, 2005. – 369 p.
16. Directorate for Inter-Services Intelligence [ISI]. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.fas.org/irp/world/pakistan/isi/>.
17. Gill, K. P. S. Homegrown, yes, but ISI inspired / K. P. S. Gill // The Pioneer. – 2008. – 24 Sept. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.satp.org/satporgtp/kpsgill/governance/08nov24Pio.htm>.
18. Honavar, R. Terrorism and Political Violence (Kashmir, Sri Lanka and Aceh) [Text] / R. Honavar, S. Sridhar, P. Singh // Institute of Peace and Conflict Studies. Special Report. – August 2005 (№ 1). – 16 p.
19. India, Pakistan and Kashmir: Stabilizing a Cold Peace [Text] // International Crisis Group Asia Briefing. – 2006. – 15 June (№ 51). – 15 p.
20. Jammu and Kashmir Liberation Front official website. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.jklf.info/>.
21. Laquer, W. No End to War. Terrorism in the twenty-first century [Text] / W. Laquer. – N. Y. ; London : Continuum, 2003. – 288 p.
22. Liberation Tigers of Tamil Eelam (LTTE). – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.satp.org/satporgtp/countries/shrilanka/terroristoutfits/LTTE.HTM>.
23. Mizoram Accord, 1986 // South Asia Terrorism Portal. – Electronic text data. – Mode of access: http://www.satp.org/satporgtp/countries/india/state/mizoram/documents/papers/mizoram_accord_1986.htm.
24. «Operation Bluestar»: The Untold Story // Fort: Panth Khalsa : [информационный сайт сикхской общины в Индии]. – Electronic text data. – Mode of access: http://www.panthkhalsa.org/raj/raj_june_84report.
25. People's War Group (PWG). – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.satp.org/satporgtp/countries/india/terroristoutfits/PWG.htm>.
26. Rajagopalan, S. Peace Accords in North-East India: Journey over Milestones [Text] / S. Rajagopalan // East-West Center in Washington, Policy Studies. – 2008. – № 46.
27. Rajiv-Longowal Memorandum of Settlement (Accord), 1985 // The Sikh Coalition : [сайт коалиции по защите прав сикхов]. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.sikhcoalition.org/Sikhism23.asp>.
28. Report of the Inquiry of Liberhan Ayodhya Commission, June 30, 2009 // Ministry of Home Affairs : [site]. – Electronic text data. – Mode of access: http://www.mha.nic.in/uniquepage.asp?id_pk=571.

29. Saikia, J. *Islamist Militancy in North East India* [Text] / J. Saikia. – New Delhi : Vision Books Pvt. Ltd., 2004. – 224 p.
30. Samanta, P. D. *The Mumbai 1993 serial bombings* / P. D. Samanta. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.indianexpress.com/oldStory/81832/>.
31. *Shillong Accord, 1975 // Nagaland Accord : South Asia Terrorism Portal*. – Electronic text data. – Mode of access: http://www.satp.org/satporgtp/countries/india/states/nagaland/documents/papers/nagaland_accord_the_shillong_nov_11_1975.htm.
32. Shiv Sena party official website [hindi version only]. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.shivsena.org/>.
33. *Simla Agreement // Ministry of External Affairs : [site]*. – Electronic text data. – Mode of access: <http://mea.gov.in/jk/sim-ag.htm>.
34. Singh, J. *Defending India* [Text] / J. Singh. – New Delhi : Palgrave Macmillan, 1999. – 372 p.
35. Singh, P. *The Naxalite Movement in India* [Text] / P. Singh. – New Delhi : Rupa & Co, 2006. – 318 p.
36. Subramanian, T. S. *Behind the Coimbatore tragedy* / T. S. Subramanian // *Frontline*. – 1998, Mar. 7–20. – Vol. 15, № 5. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.appiusforum.com/terrorism.html>.
37. Sunita. *Politics of State Autonomy and Regional Identity – Jammu and Kashmir* [Text]. – New Delhi : Kalpaz Publications, 2006. – 285 p.
38. *The Terrorist and Disruptive Activities (Prevention) Act (TADA) // South Asia Terrorism Portal*. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.satp.org/satporgtp/countries/india/document/actandordinances/Tada.htm>.
39. *United Liberation Front of Asom (ULFA)*. – Electronic text data. – Mode of access: http://www.satp.org/satporgtp/countries/india/states/assam/terrorist_outfits/ulfa.htm.
40. *Vishwa Hindu Parishad official website*. – Electronic text data. – Mode of access: <http://vhp.org/>.

SPECIFICS OF TERRORISM IN THE REPUBLIC OF INDIA IN THE 2nd HALF OF THE 20th CENTURY

K.A. Likhachev

The uprise of terrorism in the Republic of India in the 2nd half of the 20th century was caused by the plexus of different political, ethnic, religious and ideological factors. This article analyses the main kinds of contemporary terrorism, which India faced after gaining its independence.

Key words: *terrorism, history of India, ethnic identity, separatism, ethnic and religious extremism, nationalism.*